

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

К вопросу о значении османской глагольной формы на „мыш“.

Среди грамматических фактов османского языка чрезвычайный интерес представляет так наз. форма на «мыш»,¹ развитие коей в смысле морфологическом и синтаксическом, донныне мало исследованное, должно занять подобающее место в числе подготовительных материалов по сравнительной грамматике турецких языков. Решение этого сложного вопроса в его целом связано с рядом других (вопрос об алтайских и общетурецких прототипах; роль формы на *мыш* в турецких письменных текстах и в народной словесности; освещение предмета в османской грамматической традиции и пр.) и, как естественно, не может служить предметом настоящего предварительного сообщения. Целью его является анализ современного значения формы и критика ранее предложенных объяснений, многие из которых до того запутали предмет, что твердая формулировка необходима здесь не только с научной стороны, но и со стороны чисто педагогической.

Как известно, форма на *мыш*, которую, повидимому, можно сопоставить с письменно-монг. отглагольной формой на «*mal (mel)*»² (при нормальном соответствии монг. «*l*» турецкому «*ш*» и монгольского «*а*» не в 1-м слоге турецкому «*ы*»). См. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка, ДАН, 1924, стр. 34), засвидетельствована в тур. письменности очень рано — именно, в орхонских надписях, где она, имея 2 фонетических варианта аффикса («мыш» и «*миш*»),³ морфологически выступает одновременно и как *verbum infinitum* (причастие, отглагольное имя), и как *verbum finitum* (в значении одного из прошедших вре-

---

¹ Термин еще у П. М. Мелиоранского, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО. XII, стр. 86.

² См. В. Котвич, Лекции по грамм. монг. яз., СПб. 1902, стр. 57. А. Руднев, Лекции по грамм. монг. письм. яз. вып. I, СПб, 1905, стр. 61. По-монгольски, форма означает «страдательное состояние предмета» (разданный, повешенный).

³ Об этом см. Мелиоранский, *op. cit.*, стр. 18.

мен¹). В дальнейшем при дифференциации турецких языков аффикс *مش* и соответствующие ему образования стали типичной принадлежностью так называемой южно-турецкой языковой группы, где и сохранили свое двоякое употребление, тогда как в остальных группах, по общему правилу, удержались только отдельные причастные и именные образования (типа тат. *طورمش* жизнь), а характерное прошедшее на *مش* было вытеснено формой на *غان*. Ввиду продуктивности формы на *مش* в османском языке европейские грамматики с самых ранних пор пытались установить ее значение путем подыскания индоевропейских параллелей или, даже, логических умозаключений; турецкая традиция, к которой иногда обращались, не занималась подобного рода анализом и не давала решающих указаний. Вопрос усложнялся еще тем, что отглагольные образования на *مش* сопоставлялись с числительными типа осм. *یتمش* ' *آلتمش*. Можно сказать, что все более или менее существенные этапы в истории грамматической разработки османского языка европейскими учеными² сопровождались своеобразным пониманием³ формы на *مش*. Ошибка исследователей была в том, что они не могли отрешиться от своей, индоевропейской, точки зрения и почти игнорировали наблюдение над живой разговорной речью, которая могла сообщить известные данные для ретроспективного анализа. А между тем, если разрешение вопроса в историческом аспекте является делом будущего, то о современном его положении можно сделать некоторые выводы и теперь, базируясь именно на данных османской разговорной речи. Прежде чем перейти к этим последним, остановимся на тех формулировках, которые дают старые и новые грамматики.⁴ Из первых Meninski,⁵ останавливаясь исключительно на образовании формы, называет ее *Alterum Imperfectum* (стр. 102) и *Praeteritum Perfectum Secundum* (132); *اچشم* переводится: *eram* и *fui* (*ibid.*). В таблице иностранных аналогий даются переводы формы *باقیشم* на другие языки, из чего видно, что форма имеет несколько оттенков в значении. Viguier в своей работе⁶ первый дает подробное определение *Parfait indéterminé* (стр. 103—4), которое у последующих авторов стало традиционным. Согласно ему, форма означает: действие, субъективно мало вероятное; действие, в реальности которого сомневается сам говорящий; действие,

¹ См. его определение у Мелиоранского, *op. cit.*, стр. 86.

² Обзор ее подготавливается и может служить темой для особой статьи.

³ В этом отношении весьма показательна пестрота европейской номенклатуры при турецком термине *ماضی نقلی* (см. ниже).

⁴ Неожиданная ликвидация фундаментальной библиотеки б. Лазаревского Ин-та (1 сент. 1925 г.) лишила меня возможности сделать предлагаемый обзор более полным.

⁵ *Institutiones linguae Turcicae, Vindobonae MDCCLVI.*

⁶ *Éléments de la langue Turque, Constantinople, Mars 1790.*

о коем говорящий узнает от других; оконченное действие с продолжающимся результатом (= perfectum logicum); оконченное действие для неопределенного промежутка времени и места. У Казем-Бека¹ форма объяснена, как прошедшее совершенное (я *уже* был — *ایچشم* в противоположность я был — *ایدم*; стр. 182); на стр. 257 трактуется об особом наклонении (пояснительном) с внешней характерной частью — аффиксом *مش*, для действия, «совершение коего до последнего момента считалось самостоятельным или неизвестным». Pfizmaier² трактует форму на *مش*, как Parfait (p. 226) со значением «j'ai été» (*ایچشم*) и «j'ai fait antérieurement» (*قیلمیشم* p. 239), причем допускаются только 2 фонетических варианта аффикса «mich» и «mich» (p. 238). В отделе «l'usage du Parfait» (p. 325) подчеркивается особый оттенок значения (perfectum logicum) помимо общего — «сомнения или неопределенности». Сочетание типа *کلش ایچشم* имеет особое значение: «on dit qu'il est venu». Л. Будагов³ переводит *ایچشم* — «я был *уже*» (стр. 20) и *آچیشم* «открыл *уже* я» (39). У Н. Jehlitchka⁴ (стр. 148—9) «der unbestimmte Präteritum» объясняется в самой общей форме, как действие, известное говорящему не из собственного опыта, а косвенным путем (от других, в результате умозаключения и т. д.).⁵ Грамматика эта, как известно, повлияла на русские руководства по османскому языку, в значительной степени отразившие ее точку зрения.⁶ Ничего нового не вносит и определение L. Bonelli⁷ («passato narrativo o indeterminato», p. 15). В грамматике Nagorian'a⁸ форма эта, названная Dubitative Tense (p. 160), объясняется так, что говорящий не уверен в самом факте действия: или слышал о нем от других, или только предполагает его наличие. В крымско-татарской грамматике А. Н. Самойловича⁹ не дается никаких объяснений этой форме, названной там «прошедшее неопределенное 2-е» (стр. 77); перевод: «я любил» — *سومیشم* (стр. 77), но «я полюбил» — *سودم* (стр. 75). Грамматика Horten'a,¹⁰ представляющая собой перепечатку труда Nagorian'a, не дала ничего оригинального и по нашему вопросу (см. о

¹ Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846.

² Grammaire Turque, Vienne MDCCCXLVII.

³ Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия, Москва, 1857.

⁴ Türkische Conversations-Grammatik, Heidelberg, 1895.

⁵ Напр. «*یاپدی er hat gethan — یایچیشم ich glaube, er hat gethan, man sagt, dass er gethan hat, er har wohl gethan*» (стр. 149).

⁶ См. Руководство для изучения османского яз. По материалу Еглички по-русски переработал В. А. Гордлевский, Москва, 1916, стр. 98—9.

⁷ Il turco parlato, Milano, 1910.

⁸ Ottoman-Turkish conversation-grammar, London — Heidelberg, 1907.

⁹ Опыт краткой крымско-татарской грамматики, Птгр., 1916.

¹⁰ Kleine türkische Sprachlehre, Heidelberg, 1916.

«zweifelhafte Vergangenheit»: سومشم «ich liebte, wie man berichtet», S. 61). Из более новых авторов J. Németh¹ в значительной степени придерживается традиции (§ 131 Praeteritum indefinitum: سومشم ich habe geliebt, wie man sagt; ich glaube, dass ich...). Некоторые особенности в формулировку вносит G. Weil:² «die unbestimmte Vergangenheit» (S. 108) обозначает истинное или сомнительное действие, происшедшее без нашего ведома, так что при немецком переводе следует добавлять: «sagt man» для 3-го лица (обычная форма повествования и исторического рассказа), а для 1-го и 2-го «sollen»: كمشم «ich bin gekommen, ich soll gekommen sein», كمش — «er ist gekommen, sagt man». Следующий автор крупного труда по османскому языку J. Deny³ настаивает на том, что соотношение между османским passé déterminé и passé indéterminé вовсе не соответствует различию между французским passé défini и indéfini. Значение формы объяснено слишком обще: действие, свидетелем которого говорящий не был. Наконец, из трудов 1925 г. книга Чобан-заде,⁴ как и естественно для турецкого издания, не останавливается на значении формы (стр. 80); зато в сравнительной части предлагаются гипотезы о происхождении مش в числительных (مش = 10, стр. 131), довольно близкие к прежней теории J. Halévy;⁵ однако связь этого مش с глагольным مش все еще неясна. Проф. А. Н. Самойлович в своей новой работе⁶ дает этому «прошедшему неопределенному» чисто традиционное толкование «заглазного действия» (стр. 78). Несколько шире поставлен вопрос во 2-й части грамматики Еглички, которая ныне в обработке проф. В. А. Гордлевского издается в Москве⁷ (опубликовываю с разрешения автора). Здесь интересующей нас форме присвоено название «прошедшего субъективного» по тому общему (см. выше) признаку, что действие, передаваемое ей, не может считаться объективно достоверным, а выражает или мнение автора или мнение остальных, которое автор не разделяет (ср. выше определение Viguiet). Весьма важен вывод, что форма эта, противоположная «прошедшему объективному» (или «категорическому»), не является единой по значению, а слагается из 4-х главных моментов: 1) момент следствия [= лат. perfectum logicum, например, «я пришел» = «я здесь», «он ушибся до смерти» = «он мертв» (субъективный вывод)], 2) момент сомнения [= conjunctivus potentialis: «кажется (как будто), ты ушибся»], 3) момент

¹ Türkische Grammatik, Berlin und Leipzig, 1917.

² Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache, Berlin, 1917.

³ Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris, 1920.

⁴ قريم نانا عيلمى صارفى, Симферополь, 1925.

⁵ См. Keleti Szemle II (1901), 103—6.

⁶ Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Лгр., 1925.

⁷ В качестве 2-й (заново переработанной) части упомянутого выше руководства.

исторической передачи (= perfectum historicum: «говорят, он был...»), 4) момент внезапного умозаключения («оказывается, меня обманули»).

Все приведенные определения, однако, хотя и основанные на текстах, были в значительной мере теоретичными; каждое из них, внося какой-либо новый штрих, все же не давало твердого определения. В качестве такового нам известна только одна формулировка, предложенная заслуженным московским преподавателем-османистом С. К. Церунианом,¹ который, являясь уроженцем Константинополя и обладая достаточными познаниями в европейских языках (французском, русском, итальянском), имеет все данные к тому, чтобы объяснить европейцу этот характерный факт османского языкового мышления. Согласно этой формулировке, европейские грамматики упускают из вида так называемую «дифференциацию лиц» формы на *مش* (намек на это есть у G. Weil'я: см. выше) и переносят значение с формы одного лица на другие. В самом деле: форма 3-го лица «алмыш», которая действительно имеет отмеченные выше значения (говорят, как будто, кажется, оказывается — он взял), морфологически совершенно особая величина от *passé indéfini* — «алмыш-тыр» (он *уже* взял) с 1-м лицом «алмыш-ым» (я уже взял) и 2-м «алмыш-сын» (ты уже взял). Дело в том, что само по себе причастие «алмыш» (как и другие формы двоякого употребления) не может стоять в качестве личной формы без вспомогательного глагола — аффикса «дыр», который пропускается² в этих случаях только тогда, когда основа времени (= причастие) оканчивается на гласный, «р» или «з» (*آلماي* 'آلبور آلباز' آلبير'; см. по этому вопросу Самойлович, Осм. гр. стр. 75, Weil, стр. 105, прим. 1, Németh, стр. 69 и 81). Таким образом при форме типа «алмыш» всегда подразумевается личная форма; это есть — *امش* (*imış*), которое в разговорной речи *пропускается* в целях эвфонии: *вм. المش امش* «алмыш ымыш» или «алмыш-мыш» говорят просто *المش* «алмыш».³ Форма же типа *المش امشم* (и ее 3-е лицо *المش امش* = *المش*), действительно, имеет особое значение: «говорят, что я, ты, он взял» (см. выше у Pfizmaeig'a)⁴ или: «кажется, оказывается, как будто я...» и т. д. Как видно отсюда, грамматики совершенно произвольно переносят значение с одной формы на другую,

¹ Опубликовано в его «Курсе османских разговоров» т. 1, Москва, 1924. Там же (стр. 173, прим.) приводится мнение проф. Б. Цонева об аналогии турецких глагольных форм (в частности, формы на *مش*) с болгарскими («Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми въ българский езикъ», София, 1911).

² Особый случай пропуска *در* при вопросит. частице: *вм. ? در كمش می* говорят *كمش می*. В форме *كله چكدر* *нормальное* *در* иногда пропускается.

³ Бу да гов (сравнит. словарь тур.-тат. наречий, СПб. 1868, стр. 210) пытался объяснить это *آيت* *امش* (говорят) *امشمش* из *امش*.

⁴ Ср. в буд. времени *كله چك امشمش*, где нет столкновения двух аффиксов «мыш» и потому опасность смешения 2-х форм устранена.

смешивая 2 морфологически различные формы 3-го лица. Первая форма (آلشدر — آلمشم) может иметь значение: «кажется, как будто, говорят, что...» и т. д. только в том случае, когда эти оттенки выражены особыми словами: کویا، مکر، صانکه، کبی (напр. کلشم کبی — кажется, я пришел); сама же форма такого оттенка в значении не заключает.¹ Изложенная формулировка, как легко заметить, в отдельных своих частях уже намечалась предшествующими грамматиками; кроме того, она может быть подтверждена живыми текстами (газеты, фольклорные записи и пр.). Так как место не позволяет приводить здесь обильные примеры,² мы ограничиваемся одной формулировкой, оставляя в стороне менее важные пункты — в частности, вопрос о номенклатуре формы на مش.

Н. Дмитриев.

---

¹ Ср. полную аналогию давнопрошедшего کلشمی ایدم, где, по указанию самих грамматик, нет никакой «сомнительности» (Deу, op. cit., стр. 433—434).

² Статья эта, первоначально предназначавшаяся для ДАН, составлена с максимальной сжатостью, но тем не менее объем ее вышел несколько более нормального для данного издания. Когда же она была передана в ЗКВ и поступила в набор, автор уже не мог вставить собранные им многочисленные примеры, которые войдут, если это суждено, в особую монографию по данному вопросу.